Шаркова Ю. В.

ВСТУПЛЕНИЕ АДВОКАТА В УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/68.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 169-171. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

(поскольку в трактовке мира и человека она неизменно отдает предпочтение техническим моделям неорганического происхождения) «антропоморфизму» постсовременности. Подчеркивая, что постсовременность есть «эпоха нового открытия “Я”», П. Козловски видит суть произошедших изменений в переходе от эмпирической трактовки человеческого «Я» как функции общества к «субстанциональному» его истолкованию как «пневмы» (души), принятия как данности космоса самоценной жизни и в отказе от инструментальной трактовки природы (в том числе и человеческой).

Необходимо отметить, что определенный антропоцентризм постмодернизма естественно соотносится с такими его функциональными особенностями, как ориентация на потребление, гедонизм, эстетический и аксиологический плюрализм, стремление к эстетизации феноменов повседневности, возвышению тривиального и переосмыслению его как феномена с невыявленными смысловыми полями. Все перечисленное естественным образом приводит к неразличенности и, более того, диффузии массового и элитарного. Здесь постмодернизм расслаивается на «утопический», теоретический (постфрейдизм, постструктурализм, деконструктивизм, феминизм, экологизм) и «коммерческий», представленный исследованиями массовой культуры и средств массовой коммуникации Ж. Бодрийяра, М. Маклюэна, А. Крокера, Д. Кука [Маньковская 2000: 150–157]. В работах названных авторов элитарные концепции вкуса оказываются неприемлемыми, сама же эстетическая позиция потребителя связывается не с социальным статусом или культурным уровнем, а субъективными предпочтениями.

Вместе с тем, демократизация культурной жизни с ее плюрализмом предпочтений, размывающих специфику эстетического и художественного, с ее растворением искусства в повседневности – процесс внутренне противоречивый, подвергающийся многими исследователями аргументированной критике. Так, авторы книги «Постмодернистская сцена. Экскрементальная культура и гиперэстетика» А. Крокер и Д. Кук предлагают заменить постмодернизм новой «гиперэстетикой ультрамодернизма» [Маньковская 2000: 154]. Постсовременность, основанная на смешении искусства и жизни, художественной практики и теоретического ее осмысления, второй природы и первой, предстает в данной концепции как «тело без органов» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), «чистое погружение» (Ж.-Ф. Лиотар), «символический опыт» (Ю. Кристева), «алеаторный механизм» (Серр), «экскрементальная культура» (Ж. Бодрийяр), а постмодернистский стиль жизни – как «экзистенциальная паника» (А. Крокер, Д. Кук). Особенностями мироощущения при этом становятся беспокойство, ярость, галлюциногенность, катастрофичность, хаотичность, скука, разочарование, страх. В подобном контексте технологической экспансии, научной эйфории и дегуманизации сознания особой ценностью наполняется практика культур с доминантой интуитивного – а именно, культур примитивных, архаических. Здесь первобытный миф выступает в качестве альтернативы сциентизму и рационализму современности, что повышает актуальный потенциал массовой культуры как одной из разновидностей современной мифологии.

В постмодернизме ведущие аспекты массовой культуры – ее коммерческая природа, гедонизм, способность мобильного реагирования на события внешнего мира – были подвергнуты принципиальному переосмыслению в духе нового плюрального проекта. Естественно, что основными проблемами, связанными с функционированием этого типа культуры, становятся проблемы циркуляции информации – соотнесенность последней с константной реальностью, влияние на особенности культуры новейших информационных систем; проблема соотношения подлинника и копии в рамках новой эстетической парадигмы как эстетика вторичного; проблема телесности, отражающая «соматизацию сознания» субъекта эпохи постмодерна, а также возможность ее решения в комплексах «власти-знания» (М. Фуко) и через выявление специфики «мышления соблазна» (Ж. Бодрийяр).

Список литературы

Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. – СПб., 2000.

ВСТУПЛЕНИЕ АДВОКАТА В УГОЛОВНОЕ ДЕЛО В КАЧЕСТВЕ ЗАЩИТНИКА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Шаркова Ю. В.
Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета

В соответствии с положениями ст. 45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется и каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Правило, логически вытекающее из данной нормы Основного Закона государства является правило его ст. 48, согласно которому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, основанное также на положениях подп. « » п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

Казалось бы, смысл и значение словосочетания «конституционное право на защиту» в теории понятен всем - каждый человек имеет право на получение квалифицированной юридической помощи со стороны адвоката. Однако на практике адвокаты сталкиваются с необоснованным и, как правило, незаконным противодействием, оказываемым им отдельными представителями правоохранительных органов уже на стадии вступления в уголовное дело.

К сожалению, механизм вступления избранного самим подозреваемым (обвиняемым) адвоката в качестве его защитника в уголовное дело плохо урегулирован действующим УПК РФ. Следует согласиться с рядом российских ученых в том, что необходимо различать момент принятия на себя защиты адвокатом и момент его вступления в дело в качестве защитника подозреваемого (обвиняемого). Если первый совпадает с моментом заключения соглашения между адвокатом и доверителем об оказании юридической помощи по уголовному делу в порядке ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее - Закон об адвокатуре), то второй - с моментом его официального допуска в данное уголовное дело, когда он становится реальным субъектом уголовного судопроизводства. Именно второй момент вызывает определенные вопросы в теории и на практике.

Так, если проанализировать положения статей УПК РФ, посвященных вступлению адвоката в качестве защитника в уголовное дело, можно сделать вывод о навязываемом этими положениями некоем «разрешительном порядке», на чем сходятся большинство ученых. Об этом свидетельствуют следующие положения уголовно-процессуального закона: ч. 2 ст. 49: «в качестве защитников допускаются адвокаты», ч. 4 ст. 49: «адвокат допускается к участию в уголовном деле...», ч. 1 ст. 53: «с момента допуска к участию в уголовном деле...». Таким образом, иной субъект уголовного судопроизводства допускает адвоката к участию в деле в качестве защитника. Этим субъектом, очевидно, является тот, в чьем производстве находится уголовное дело (следователь, дознаватель).

Однако возникает вопрос: обязан ли следователь (дознаватель) допустить защитника к участию в уголовном деле либо у него есть на это право, а, следовательно, и право не допустить его? Очевидно, практикующие юристы из рядов правоохранителей ответят, что они вольны принимать решение по своему усмотрению. Закон же определенного ответа на этот вопрос не дает.

Не урегулирован УПК РФ и порядок обращения заключившего соглашение защитника к лицу, наделенному властными полномочиями. Однако если на следователя возложена обязанность допустить адвоката в уголовное дело, то и обращаться к нему с просьбой не обязательно, достаточно уведомить его о заключенном соглашении с доверителем (подозреваемым, обвиняемым).

Нередко следователи (дознаватели) считают допуск адвоката своим правом и используют его в своих интересах, которые нередко далеки от интересов надлежащего, объективного расследования уголовного дела. Весьма красноречивый пример такого злоупотребления своим «правом» сотрудниками Генеральной прокуратуры РФ проиллюстрирован В. А. Самариным.

Не менее интересный ход предприняли отдельные следователи Генеральной прокуратуры (до вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ), когда ряду адвокатов из адвокатской консультации, было отказано в допуске в уголовное дело по обстоятельствам, которые мало согласуются с действующим УПК РФ.

Так, ч. 1 ст. 50 УПК РФ указывает, что защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Апеллируя к данной норме закона, следователи отказывали в удовлетворении ходатайств (первоначально именно в данную процессуальную форму облекли защитники свои обращения) в допуске к участию в деле, поскольку обвиняемые находились за пределами Российской Федерации (обвинения предъявлялись заочно) и своего согласия на участие в деле именно данных защитников следователю не передали.

Данная практика представляется не соответствующей закону по следующим соображениям. Исходя из положений Закона об адвокатуре, соглашение, заключенное между адвокатом и его доверителем (а в отдельных случаях - иными лицами в его интересах), является строго конфиденциальным документом. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 6 данного Закона никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи для вступления адвоката в дело. Из этого можно сделать логичный вывод, что конфиденциальным является и согласие, которое дает подозреваемый (обвиняемый) на заключение соглашения именно с данным адвокатом. Форма такого согласия Законом не урегулирована. Должна ли это быть устная, письменная или нотариально заверенная форма, неизвестно. Однако представляется, что в любом случае доводиться до третьих лиц, в том числе следователя (дознавателя), это согласие не должно ни при каких обстоятельствах, в том числе потому, что на него распространяется охраняемая законом адвокатская тайна, которой в соответствии со ст. 8 Закона об адвокатуре являются «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю».

Однако подобные коллизии на практике были бы исключены, если действующим УПК РФ был подробно прописан порядок фактического вступления адвоката в дело. Как представляется автору, этот порядок должен быть уведомительным.

Пока же вышеназванные положения уголовно-процессуального закона остаются в неизменном виде, следователь все равно не может их рассматривать, как наделяющие его правом допускать адвоката в дело и, как следствие, правом принимать положительное или отрицательное решение по данному вопросу.

Обвиняемый (подозреваемый) имеет право пригласить защитника по соглашению в любой момент уго-

ловного судопроизводства. Данное ходатайство подлежит удовлетворению во всех случаях».

В этой связи автор полагает, что, желая вступить в уголовное дело после заключения соответствующего соглашения, защитник должен обратиться к лицу, в производстве которого находится уголовное дело, с уведомлением о вступлении в дело. Безусловно, для соблюдения положений ч. 4 ст. 49 УПК РФ к уведомлению необходимо приложить соответствующий ордер адвокатского образования, а также копию удостоверения адвоката, если ходатайство подается данному должностному лицу не на личном приеме.

Такое уведомление должно содержать не просьбу о разрешении вступить в дело, а излагать факт вступления адвоката в соответствующие отношения с доверителем, т.е. факт принятия адвокатом обязанности по защите законных прав и интересов доверителя, а также указание на необходимость приобщения прилагаемых документов к материалам дела, что должно расцениваться как официальное вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника.

Примечательно, что попытка внесения данных изменений в УПК РФ была предпринята еще в первый год его действия.

Повторная попытка депутатов И. Ю. Артемьева и С. В. Иваненко 17 ноября 2003 г. также не увенчалась успехом (законопроект отклонен Постановлением Государственной Думы от 11 ноября 2005 г. № 2378-IV ГД).

Такие решения законодателя вызывают обоснованное недоумение, поскольку приведенные изменения закона соответствовали бы провозглашенным в Конституции РФ принципам состязательности и процессуального равноправия сторон, а также духу проводимых реформ в сфере уголовно-процессуального законодательства, направленных на переход от розыскной формы отечественного судопроизводства к смешанной и состязательной.

Непоследовательными данные решения являются и в той связи, что еще до вступления в силу УПК РФ в ч. 3 его ст. 49 Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ были внесены изменения, согласно которым ранее присутствовавшая в данной норме закона фраза «защитник допускается к участию в уголовном деле» была заменена на «защитник участвует в уголовном деле». Таким образом, ликвидировав возможность применения разрешительного порядка вхождения адвоката в качестве защитника в уголовное дело, отечественный законодатель не посчитал нужным сделать это и в других нормах Уголовно-процессуального кодекса, создав тем самым трудно разрешимое противоречие, на которое, в частности, и указывал в пояснительной записке к своему законопроекту депутат Государственной Думы И. Ю. Артемьев.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАКАВКАЗЬЯ К РОССИИ

Шурова О. Н.
Муниципальное образовательное учреждение «Средняя школа № 12»

Войны начала XIX века между Россией, с одной стороны, Турцией и Ираном с другой, были обусловлены захватническими целями той и другой стороны, а также колониальными интересами Англии и Франции. Пользуясь политической слабостью мелких закавказских царств и ханств, раздираемых междоусобицами, подстрекаемые Великобританией и Францией, Иран и Турция стремились подчинить себе все Закавказье. В борьбе с военно-феодальной экспансией Ирана и Турции народы Закавказья не раз поднимали вопрос о присоединении к России.

В 1801 г. к России добровольно присоединилась Восточная Грузия, под покровительство перешли Мингрельское княжество (1803 г.), Имеретинское царство и Гурийской княжество (1804 г.) [Советская Военная Энциклопедия 1979: 182]. В 1804 г. иранский шах потребовал, чтобы Россия немедленно очистила Грузию. Россия ответила отказом. Иранская армия вторглась в Азербайджанские ханства. Началась русско-иранская война (1804-1813). В июне 1804 г. иранские войска под командованием Аббаса-Мирзы развернули боевые действия с целью захвата Тифлиса. Русские войска двинулись навстречу и разбили иранский отряд у Гумры; основные силы русских войск нанесли поражение армии Аббаса-Мирзы 22 июня у Эчмиадзинского монастыря. К 1805 г. к России добровольно присоединились Карабахское, Ширванское, Шекинское ханства, Шурагельское султанство. Летом 1806 г. русские войска отразили вторжение иранцев в Карабах, заняли Нуху, Дербент, Баку и другие пункты. Война велась с большими перерывами и была осложнена для России войнами с Турцией (1806-1812), Швецией (1808-1809), Отечественной войной 1812 г. Узнав о нападении Наполеона на Россию, иранское правительство прервало переговоры о мире. 9 августа 1812 г. Аббас-Мирза вторгся в Талышское ханство и захватил крепость Ленкорань. Однако в октябре 1812 г. русский отряд под командованием Котляровского внезапным ударом разгромил иранскую армию и в январе 1813 г. овладел Ленкоранью. Иран был вынужден заключить Гюлистанский мирный договор, по которому признал присоединение к России Дагестана, Северного Азербайджана и Грузии [Советская Военная энциклопедия 1979: 192].

Одновременно с войной России против Ирана (1804-1813) проходила война с Турцией (1806-1812). Поводом к этой войне послужило нарушение договора 1805 г. о свободном проходе русских судов через проливы и сменой Турцией господарей Молдавии и Валахии. В ответ русское правительство ввело войска в Молдавию и Валахию. На Балканском и Кавказском театрах русская армия нанесла туркам ряд поражений.